

Посредничество при межкультурной коммуникации: «необходимое зло» или нормальное явление?

Среди факторов, оказывающих определяющее воздействие на процессы межкультурной коммуникации, важная роль принадлежит переводу. При этом во многих случаях отсутствует или затруднена непосредственная передача с оригинала, вследствие чего возникает необходимость в той или иной разновидности межъязыкового посредничества. Цель настоящей статьи — рассмотреть один из способов последнего (так называемый перевод «через вторые руки») и те ситуации, в которых его применение является единственно возможным. Проанализированы примеры такого перевода, значимые для отечественной культуры; предложена детальная классификация разновидностей перевода через язык-посредник. Сделан вывод, что традиционное отношение к переводу «через вторые руки» как к заведомо неполноценному виду культурного взаимодействия в некоторых случаях не соответствует реальному положению вещей. В исследовании использован метод филологического анализа. Результаты работы могут найти применение при дальнейшей разработке проблем переводоведения, а также в процессе преподавания курсов теории перевода и межкультурной коммуникации в высшей школе.

Ключевые слова: межкультурный, коммуникация, оригинал, перевод, посредник, язык.

Among the factors that have a decisive impact on the processes of intercultural communication, an important role belongs to translation. At the same time, in many cases, direct transmission from the original is absent or difficult, as a result of which there is a need for one or another kind of interlingual mediation. The purpose of our article is to consider one of the ways of such mediation — the so-called “second-hand translation” and those situations in which its use is the only possible. Examples of such translation, significant for the national culture, are considered, a detailed classification of the varieties of translation through an intermediary language is proposed. It is concluded that the traditional attitude towards them as a deliberately inferior kind of cultural interaction in some cases simplifies the real state of things. The study uses the method of philological analysis. The results of the work can be used in the further development of translation studies, as well as in teaching courses in translation theory and intercultural communication in higher education.

Keywords: intercultural, communication, original, translation, mediator, language.

Введение

Среди проблем, которые периодически привлекают внимание теоретиков и практиков перевода, в первую очередь художественного, можно отметить вопросы, связанные с непрямым/косвенным переводом¹, т.е. межъязыковой передачей, при которой традиционная схема *автор* → *исходный текст* → *переводчик* → *переводной текст* дополняется посредником — создателем «промежуточного» текста, с которого уже и осуществляется окончательный перевод, т.е. формируется переводной текст, предназначенный для иноязычной аудитории. Фактор наличия таких фигур, как заказчик, редактор, издатель, в определенных случаях цензор и др., оставляем в стороне.

Данный вид межъязыковой коммуникации имеет свою специфику, в ряде случаев существенно отражающуюся как на эквивалентности, так и на адекватности перевода. Рассмотрим некоторые аспекты данной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Если обратиться к истории, то косвенные переводы получали особое распространение в следующих случаях.

Во-первых, когда язык исходного текста был мало известен, а иногда практически неизвестен представителям той лингвокультуры, для которой предназначался перевод (это наиболее частое

¹ В специальной литературе есть и иное понимание непрямого перевода, существующее в рамках теории релевантности: он рассматривается как такой вид межъязыковой передачи, при котором «переводчик, как посредник, берет на себя ответственность за успех коммуникации и правильное понимание», тогда как при прямом переводе он «стремится интерпретативно воспроизвести оригинал полностью в том контексте, который предусматривался для оригинала» [1. С. 82]. В настоящей работе такой подход не рассматривается.

явление). Прежде всего это относится к тем языкам, которые принято называть экзотическими, малочисленными и т.д., вследствие чего найти того, кто мог бы выполнить с них *литературный* перевод без посторонней помощи, было невозможно или крайне затруднительно. Так обстояло и в значительной степени обстоит дело в многонациональных/многоязычных государственных образованиях, в которых могут быть представлены языки, не распространенные за пределами своего региона.

Наглядным примером служит организация переводческой деятельности в Советском Союзе, где публикация произведений национальных (творивших не на русском языке) писателей в переводах была частью государственной политики в сфере культуры. Один из наиболее известных таких авторов, пользовавшийся славой во всесоюзном масштабе, Расул Гамзатов сформулировал возникающую при этом дилемму в присущей ему афористичной манере: «Есть русские люди, которые умеют читать по-аварски, но они, увы, не поэты. И есть русские поэты, которые, увы, не умеют читать по-аварски» [2]. М. Горький, наиболее авторитетный в 1930-е гг. в Советском Союзе писатель, указывал:

Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга <...>. Вот идеал, вот цель наша, вот куда мы должны стремиться [3].

Однако «идеал» реальностью так и не стал, и подобные переводы осуществлялись (в тех случаях, когда это вообще происходило) по большей части через русское посредство.

Во-вторых, «переводческое посредничество» было широко представлено в те времена, когда происходил процесс «поиска культурных ориентиров». Применительно к Петровской эпохе об этом писал С.И. Николаев:

Попадая в Россию, иностранные книги как бы теряли свой национальный облик. Так, трактат Дж. Локка о государстве перевели с латыни, «Метаморфозы» Овидия с польского, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского — с французского. Замечателен путь книги Поля Рико «Монархия турецкая», относящейся к 1710 гг. Перевод был издан в 1741 г. с указанием на титульном листе, что переведено с польского, в действительности это перевод с итальянского, который был выполнен с французского перевода английского оригинала. А «Гюлистан» Саади был переведен около 1704 г. с немецкого перевода под заглавием «Персидский кринной дол, в котором много веселых и приятных историй» (“Persianisches Rosenthal”) [4. С. 78–79].

В-третьих, в тех случаях, когда перевод рассматривался как коммерческое предприятие, играл роль и такой фактор, как степень конкуренции на рынке переводческих услуг, связанной с тем или иным языком. В данном случае, если смотреть с позиций диахронического подхода, можно получить представление о том, какой язык-донор имел наибольшее распространение у представителей принимающей культуры в соответствующую эпоху. Показательна в этом плане судьба английского языка в России. В XVIII в. и даже в начале XIX в. написанные на нем произведения нередко переводились с французского (притом что перевод с китайского мог выполняться с оригинала!) — правда, это далеко не всегда отмечалось. Современники не раз обращали внимание на эту практику, что отразилось, в частности, в публицистических трудах Н.М. Карамзина. Так, по поводу одного произведения, озаглавленного «Аглинское сочинение», он заметил: «Надлежало бы примолвить, с какого языка переведено сие сочинение. Можно, кажется, без ошибки сказать, что оно переведено с французского; но на что заставлять читателей угадывать?» (цит. по: [5. С. 217]). В этой связи он особо остановился на появившейся русской версии первой части романа С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу», что вполне понятно, принимая во внимание, какую роль сыграл этот роман в утверждении сентиментализма, крупнейшим представителем которого был сам Н.М. Карамзин: «Сия первая часть переведена с французского — я уверился в сем по первым строкам, но г. переводчик <...> не хотел нам сказать того, желая заставить нас, бедных читателей, думать, что он переводит с английского оригинала» [6. С. 218].

Подобного рода явления в большей или меньшей степени наблюдались и в других европейских странах, в частности в Германии (например, см.: [7]). Немецкий язык XVIII в. позднее также выступал и в роли посредника для русской культуры. Например, романы Г. Филдинга были переведены на немецкий через французскую версию, а на русский — уже через немецкую.

По приведенным суждениям Н.М. Карамзина можно заметить, что отношение писателя, как и большинства его собратьев в России и за рубежом, к «дополнительному посредничеству» было весьма сдержанным, точнее сказать, отрицательным. И оно вполне объяснимо. Даже если не принимать во внимание возможности переводческих ошибок, от которых полностью не застрахован ни один переводчик, даже при очень квалифицированном редакторе нельзя исключить двойного влияния на язык перевода как исходного текста, так и того, с которого осуществлялась передача. На это обстоятельство также обратил внимание Н.М. Карамзин, рецензируя перевод «Утопии Томаса Мора», обозначенный как перевод с английского (притом что язык оригинала этого произведения латинский): «Многие галлицизмы в слоге доказывают, что книга сия переведена не с английского, а с французского языка. *Магистраты* идут у г. переводчика вместо судей, *случайные* игры вместо азартных и проч. и проч. Видно, что он еще во французском языке не очень силен; да и в русском тоже» [8].

В любом переводе, в первую очередь художественного текста (но не только его), приходится иметь дело с наличием *вариативности* того или иного фрагмента или единицы оригинала, диктующей необходимость выбора какого-либо одного из возможных способов передачи и тем самым отсекающей от реципиента другие потенциальные смыслы, содержащиеся в подлиннике. Это наблюдается на всех уровнях языковой структуры — от фонемного/графического до синтаксического. Не говорим уже о сложностях, связанных с воссозданием реалий, имеющих в тексте, которые по самой своей сути полных эквивалентов иметь не могут. Если добавить к этому неизбежный субъективный момент, наиболее очевидный при передаче художественных и гуманитарных текстов, — отражение личности самого переводчика (абстрагируемся от факторов внешнего порядка: цензуры, пожеланий заказчика и др.), то неполноценность такого рода перевода из вторых, а иногда и из большего количества рук станет очевидной. Очевидность эта была ясна многим предшественникам Карамзина в XVIII в. Так, по инициативе Екатерины II в 1768 г. было создано Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык, которое сыграло заметную роль в ознакомлении отечественного читателя с иностранной литературой — первоначально главным образом с трудами философов Просвещения и произведениями современных тому времени европейских авторов: Свифта, Тассо, Корнеля, Геллерта и др., а затем, как это наблюдалось и на Западе, с античным наследием. Это Собрание «очень ценило перевод с подлинников и объявляло в ведомостях, что, если из переведенных и уже напечатанных сочинений... возьмет кто какие-либо книги вновь переводить не с переложений на иностранные языки, но с самих подлинников, то собрание примет оные переводы с удовольствием и определит соразмерное вознаграждение» [9. С. 16].

И тем не менее к практике перевода «из вторых рук» прибегали и авторы, ее порицавшие. Характерен в этом отношении опять-таки пример Н.М. Карамзина. Среди его переводов числятся и сцены из драмы великого древнеиндийского драматурга Калидасы «Шакунтала», в заглавии которых указано: «Пер. Н.М. Карамзина с немецкого перевода Г. Форстера, выполненного с английского, сделанного В. Джонсом с языка санскритского» [10]. В данном случае имел место перевод даже не через один посредник, а через два: оригинал Калидасы на санскрите → английская версия Джонса → немецкая версия Форстера → русский текст Карамзина.

В.А. Жуковский пользовался немецким посредником в «восточных переводах». Для передачи отрывка из индийской «Махабхараты» он обратился к прозаической версии Франца Боппа, с именем которого связано возникновение компаративистики как научной дисциплины, и к стихотворной Фридриха Рюккерта; фрагмент из персидской поэмы «Шахнаме» Фирдоуси опять-таки был выполнен по переложению Ф. Рюккерта. Примечательно, что русский поэт четко отграничивал свои творения от переводов в собственном смысле слова: первое произведение называлось «Наль и Дамаянти. Индейская повесть В.А. Жуковского», второе — «Рустем и Зораб. Вольное подражание Рюккерту».

Если «вариации на индийско-персидские мотивы» основоположника русского романтизма, при всем их несомненном значении с историко-литературной точки зрения, явно не занимают

в истории отечественного перевода, в отличие от творчества самого Жуковского, действительно выдающегося места (аналогично обстоит дело и с упомянутыми «Сценами из Саконталы» Н.М. Карамзина), то с принадлежащей основоположнику русского романтизма версией другого классического эпоса — «Одиссеей» Гомера — дело обстоит иначе, хотя и в данном случае создавалась она не из «первых рук».

Говоря о языковом посредничестве, считается целесообразным различать два близких, но тем не менее не вполне тождественных случая.

Во-первых, оно имело место в подавляющем большинстве переводов с языков народов СССР и России (в меньшем масштабе и в период существования Российской империи; ср. принадлежащие В.Я. Брюсову версии армянской поэзии). Перевод мог быть результатом содружества составителя подстрочника, являющегося носителем языка оригинала, и литературного переводчика, для которого родным был уже переводной язык, причем именно он обычно значился как создатель текста перевода.

Во-вторых, перевод мог целиком осуществляться с уже существующего и в той или иной степени литературно обработанного текста на языке-посреднике, не совпадающем ни с исходным, ни с переводным языком, — переводы «из вторых (либо большего количества) рук», как это имело место в приведенных примерах.

С «Одиссеей» дело обстояло сложнее. Для работы над ней В.А. Жуковский заказал эллинисту К. Грасгофу подстрочный перевод на немецкий, который сверялся с другими известными ему переводами на европейские языки, т.е. в определенном смысле задействованы были оба названных способа. Результат, по оценке и современников, и позднейших исследователей, был неоднозначным как в плане эквивалентности — соответствия греческому оригиналу в языковом отношении (ср. замечание А.Н. Егунова, что Жуковский «без малейших сомнений чрезвычайно наивно доверился подстрочнику» [11. С. 320]), так и с точки зрения адекватности, т.е. прагматической задачи: Жуковский ставил цель «создать перед собой перевод, в котором будет выступать только Гомер, а личность русского переводчика исчезнет», тогда как «"Одиссея" у Жуковского получилась такой же субъективной, как и другие его переводы» [12. С. 17].

Сто с лишним лет спустя составители тома «Библиотеки всемирной литературы», посвященного Гомеру, предпочли именно версию В.А. Жуковского, хотя отечественная культура располагала к тому времени и переводами, выполненными непосредственно с подлинника (П.А. Шуйского, В.В. Вересаева). Решение было мотивировано следующим образом:

Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки; «архаизация» достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников [13. С. 713].

Добавим, что А.М. Горький, в принципе отрицательно относившийся к «косвенной передаче», тем не менее, по свидетельству К.И. Чуковского, уточнял:

Конечно, есть классики, которые только и живут в пересказах. Например, «Мюнхаузен». Распе был очень слабым, неумелым писателем, и только вольные пересказы французов и немцев сделали его всемирным классиком. Но это редкостный случай [14].

Таким образом, далеко не всегда перевод, выполненный с оригинала, вытесняет из принимающей культуры версию «из вторых рук», особенно когда она приобретает статус классики. Возможны, хотя не слишком часто, и случаи, когда в роли «второй руки» выступает сам автор исходного текста, причем созданный им иноязычный вариант отличается от первичного. Пример такого рода приводил С. Флорин, повествуя о своем опыте передачи романа Р. Тагора «Крушение». Так как знатоков бенгальского в Болгарии на тот момент не оказалось, он взял в качестве исходного автоперевод Р. Тагора на английский; но, поскольку автор значительно «нейтрализовал»

в нем индийский колорит, для возвращения элиминированных реалий был привлечен перевод на русский, сделанный с бенгальского [15. С. 122].

Заключение

Возвращаясь к дилемме, сформулированной в заглавии статьи, позволим себе заметить, что из двух ее компонентов: «необходимое зло» и «нормальное явление» — логическое ударение во многих случаях приходится делать на первом — хотя бы потому, что без такого посредничества история культуры (в частности, отечественной) в ряде случаев утратила бы многие привычные нам характеристики. В этой связи можно вспомнить и о том, что православная ойкумена формировалась на основе не только новозаветной, но и ветхозаветной части Библии, причем ее славянская версия выполнена была как раз на основе греческого перевода, и именно она продолжает до сегодняшнего дня употребляться для богослужения в Русской Православной Церкви.

Литература

1. Десницкий А.С. Современный библейский перевод. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
2. Гамзатов Р.Р. Мой Дарестан. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/31284/20777#> (01.10.2022).
3. Горький М. — Мамедли Г. (19 ноября 1934 г., Тессели): [письмо]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (01.10.2022).
4. Николаев С.И. Первая четверть XVIII века. Эпоха Петра I // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. С. 74–93.
5. Кочетова Н.Д. Середина 1780-х годов —1800. Сентиментализм // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин»; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. С. 213–279.
6. Карамзин Н.М. Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, соч. Ричардсоном // Перевод — средство взаимного сближения народов: художественная публицистика / сост. А.А. Клышко. М.: Прогресс, 1987. С. 218–219.
7. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand. Berlin; New York: Published De Gruyter, 1984.
8. Карамзин Н.М. Философа Рафаила Гитлоде странствования в Новом свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии: перевод с английского языка: сочинение Томаса (Моруса). Санкт-Петербург: у Шнора, 1790. Ч. 1. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61334-filosofa-rafaila-gitlode-stranstvovaniya-v-novom-svete-i-opisanie-lyubopytstva-dostoynyh-primechaniy-i-blagorazumnyh-ustanovleniy-zhizni-miroyubivogo-naroda-ostrova-utopii-nikolay-karamzin/read/page-1.html> (02.10.2022).
9. Семенников В.П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной Второй. 1768–1783 гг.: историко-литературное исследование. СПб.: Типография «Сириус», 1913.
10. Сцены из «Саконталы», индийской драмы / пер. Н.М. Карамзина с немецкого перевода Г. Форстера, выполненного с английского, сделанного В. Джонсом с языка санскритского. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/perevody/kalidasa-sceny-iz-sakontaly.htm> (02.10.2022).

References

1. Desnitsky A.S. Sovremenniy bibleiskii perevod. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2015.
2. Gamzatov R.R. Moi Dagestan. URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/31284/20777#> (01.10.2022).
3. Gorky M. — Mamedli G. (19 noiabria 1934 g., Tesseli): [pis'mo]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-1138.htm> (01.10.2022).
4. Nikolaev S.I. Pervaia chetvert' XVIII veka. Epokha Petra I // Istoriia russkoi perevodnoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. St. Petresburg: Izd-vo "Dmitrii Bulanin"; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. S. 74–93.
5. Kochetova N.D. Seredina 1780-kh godov —1800. Sentimentalizm // Istoriia russkoi perevodnoi literatury. Drevniaia Rus'. XVIII vek. T. 1: Proza. St. Petresburg: Izd-vo "Dmitrii Bulanin"; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. S. 213–279.
6. Karamzin N.M. Dostopamiatnaia zhizn' devitsy Klariissy Garlov, soch. Richardsonom // Perevod — sredstvo vzaimnogo sblizheniia narodov: khudozhestvennaia publitsistika / sost. A.A. Klyshko. Moscow: Progress, 1987. S. 218–219.
7. Stackelberg J. Übersetzungen aus zweiter Hand. Berlin; New York: Pub-lished De Gruyter, 1984.
8. Karamzin N.M. Filsofa Rafaila Gitlode stranstvovaniia v Novom svete i opisanie lyubopytstva dostoinykh primechaniy i blagorazumnykh ustanovlenii zhizni mirolubivogo naroda ostrova Utopii: perevod s angliiskogo iazyka: sochinenie Tomasa (Morusa). Sankt-Peterburg: u Shnora, 1790. Ch. 1. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-karamzin/61334-filosofa-rafaila-gitlode-stranstvovaniya-v-novom-svete-i-opisanie-lyubopytstva-dostoynyh-primechaniy-i-blagorazumnyh-ustanovleniy-zhizni-miroyubivogo-naroda-ostrova-utopii-nikolay-karamzin/read/page-1.html> (02.10.2022).
9. Semennikov V.P. Sbranie, staraiushcheesia o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoi Vtoroi. 1768–1783 gg.: istoriko-literaturnoe issledovanie. St. Petresburg: Tipografia "Sirius", 1913.
10. Stseny iz "Sakontaly", indiiskoi dramy / per. N.M. Karamzina s nemetskogo perevoda G. Forstera, vypolnennogo s angliiskogo, sdelannogo V. Dzhonsom s iazyka sanskritskogo. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/perevody/kalidasa-sceny-iz-sakontaly.htm> (02.10.2022).

11. *Егунов А.Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001.
12. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985.
13. *Ошеров С.* Примечания // Илиада; Одиссея / Гомер. М.: Худож. лит., 1967. С. 709–739.
14. *Чуковский К.И.* Вспоминания о писателях. Горький. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/memo/238-2013-12-12-03-10-22.html?start=1> (02.10.2022).
15. *Флорин С.* Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983.

11. *Egunov A.N.* Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov. Moscow: Indrik, 2001.
12. *Levin Yu.D.* Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda. Leningrad: Nauka, 1985.
13. *Osherov S.* Primechaniia // Iliada; Odisseia / Gomer. Moscow: Khudozh. lit., 1967. S. 709–739.
14. *Chukovsky K.I.* Vspominaniia o pisateliakh. Gorky. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/memo/238-2013-12-12-03-10-22.html?start=1> (02.10.2022).
15. *Florin S.* Muki perevodcheskie. Moscow: Vysshiaia shkola, 1983.

Хухуни Георгий Теймуразович,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка,
англистики и
прикладной лингвистики
Московский государственный
областной университет

Khukhuni Georgy T.,
Doctor of Philology, Professor ,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics
Department
Moscow Region State University

e-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна,
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка,
англистики и прикладной лингвистики
Московский государственный
областной университет

Valuitseva Irina I.,
Doctor of Philology, Professor ,
Professor of the Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics
Department
Moscow Region State University

e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

